

ОБОГАЩЕНИЕ КАБАРДИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НОВЫМИ ИМЕНАМИ В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Алхасова Свєглана Михайловна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), alkhass55@mail.ru

В статье впервые подробно рассматривается творчество таких писателей периода «оттепели», как Нургали Пшуков, Хасан Кодзоков, Барасби Тхамоков. Автор статьи отмечает, что в 50–70-е годы развитие переводческого искусства в стране положительно сказалось на развитии самой кабардинской литературы, поэзии и прозы. Кабардинский читатель получил на русском языке произведения русской и мировой классики. В свою очередь, кабардинская литература ответила тем, что постепенно приобщалась русской литературе, десятки произведений кабардинской литературы значительно обогатили её. Благодаря переводам на русский язык, молодая кабардинская литература заняла свою нишу, обрела вторую жизнь в культурном мироздании. Теперь русский читатель мог судить, как идейно-художественные тенденции и традиции русской реалистической литературы преломлялись в творчестве тех или иных кабардинских писателей. В результате анализа автор пришел к выводу, что следует говорить о взаимовлиянии литератур. Приводится замечание о том, что в кабардинской литературе еще встречались отдельные, небольшие подражательные произведения. Но в общей сложности в кабардинской литературе появились свои, уходящие корнями в народное творчество и национальный менталитет, чисто адыгские сочинения. В эту эпоху появились имена многих талантливых кабардинских прозаиков и поэтов – Хасана Кодзокова, Нургали Пшукова, Барасби Тхамокова и других.

Ключевые слова: кабардинская литература, период «оттепели», поэтика жанра, особенности прозы.

В период «оттепели», в 50–70-е годы XX в. в молодой кабардинской литературе наметились новые тенденции в литературном процессе. Ей приходилось решать сложнейшие художественно-эстетические и идейные задачи. Это касалось не только литературы, но и ее переводов. Устойчивыми и известными стали имена таких русских переводчиков, как В. Гоффеншефер, С. Липкин, В. Звягинцев, А. Шпирта, Н. Милованова, Э. Левонтина, А. Адалис, С. Обрадович, Г. Шергова, Н. Гребнев, Я. Козловский и др. Их вклад в дело самоутверждения, сближения кабардинской литературы с другими литературами, ее выхода на Всесоюзную арену, сыграли неоценимую роль. Московские писатели и переводчики группами приезжали в национальные республики, собирали и переводили на русский язык все лучшее, что имела национальная литература, а затем многие произведения кабардинских писателей издавались в Москве. Например, в Кабардино-Балкарию в 60-е годы приезжали С. Липкин, Ю. Либединский, Н. Гребнев, Н. Тихонов, Г. Шергова, Р. Казакова и многие др.

Первыми российскими переводчиками кабардинской литературы, в особенности поэзии, были Н. Тихонов, Н. Заболоцкий, А. Шпирта, С. Липкин, А. Адалис и многие другие.

Развитие переводческого искусства в стране положительно сказалось и на развитии самой *кабардинской литературы, поэзии и прозы*. Кабардинский читатель

получил на русском языке произведения русской и мировой классики. В свою очередь, кабардинская литература постепенно становилась органической частью русской литературы, десятки произведений кабардинской литературы значительно обогатили русскую литературу.

Благодаря переводам на русский язык, молодая кабардинская литература заняла свою нишу, обрела вторую жизнь в культурном мироздании. Теперь русский читатель мог судить, как идейно-художественные тенденции и традиции русской реалистической литературы преломлялись в творчестве того или иного кабардинского писателя. С полным правом можно говорить о взаимовлиянии литератур. Без преувеличения отметим, что в кабардинской литературе еще встречались отдельные, небольшие подражательные произведения. Но в общей сложности в кабардинской литературе появились свои, уходящие корнями в народное творчество, в национальный менталитет, чисто адыгские сочинения. В эту эпоху появились имена многих талантливых кабардинских прозаиков и поэтов, среди них – Нургали Пшуков, Хасан Кодзоков, Барасби Тхамоков и другие.

Хасан Кодзоков успел при жизни издать три книги: «Дорога в космос»¹, «Рождение песни»², «Незаживающая рана»³. В них писатель предстает перед нами как художник слова, превосходный рассказчик, увлекающий читателя своим неординарным взглядом на жизнь, искренностью и открытостью суждений. Писатель пишет о том, что пришлось ему лично пережить и о тех трудностях, через которые сам прошел. Детство сирот, совпавшее с войной и послевоенными годами, – вот основная тематика его рассказов. Мальчики и девочки, плохо одетые, вечно голодные, рано повзрослевшие, рано потерявшие отцов и матерей в страшные годы войны, но согретые теплом (насколько это позволяли обстоятельства того времени) своих родственников, сельчан, воспитателями детских домов, учителей школ – главные герои произведений Кодзокова. Как пишет автор, конечно же, никто не мог заменить этим детям родителей. У самого писателя пережитое осталось в душе незаживающей раной, открытым рубцом на сердце.

Х. Кодзоков жил в ногу со своим временем. Это было время становления, взросления его поколения, отмеченного чувством ответственности за каждое слово, за правдивое воссоздание картин прошлого. И в то же время, оставаясь в гуще жизни, писатель пристально всматривался в сегодняшний день. Его интересовало все: неповторимые народные песни адыгов, песни всей страны, сложная духовная жизнь его современников, приметы родного края, – и все это живописал яркими словесными красками. В рассказах из сборника «Рождение песни» каждый из его героев в его предельно лаконичных по-чеховски рассказах, наделен своим обликом, своими собственными, неординарными мыслями, манерой поведения; у каждого свой взгляд на происходящее вокруг. Таковы герои его рассказов Лукман, Хачим, Музарин, Исмаил, Латиф, Чапай и др.

Памятью сердца писатель часто возвращается к годам детства, и на страницах своих книг оживляет сверстников, каждый из них наделен своим неповторимым характером. Мальчишки и девчонки предстают перед читателем со всей детской непосредственностью, с взрослыми мыслями о жизни. Пережив трудности, дети эти растут честными, принципиальными, с чувством справедливости, готовыми прийти на помощь любому, кто нуждается в ней, кому нужно товарищеское участие, чтобы тот не чувствовал себя одиноким, никому ненужным, заброшенным. «Одинокая птица ночная / Над своим разоренным гнездом», – эти строчки из стихотворения самого Хасана Кодзокова могли бы стать эпиграфом ко всем рассказам, написанным им о своем детстве и о детстве своих сверстников, с которыми жизнь его свела в детском доме.

Память писателя сохранила характерные эпизоды тех дней, когда почтальоны приносили «похоронки», способные сломить неокрепшие души детей. Но, как пишет автор, на помощь им приходили взрослые, выжившие родственники, соседи,

односельчане, учителя школ, воспитатели детских домов, которые на своих плечах несли тяготы военных и послевоенных лет. В своих произведениях, будь то стихи, поэма, рассказы, Кодзоков показал всю боль тех, кто потерял в годы войны самых дорогих людей – мать и отца. Все увиденное, услышанное, пережитое с годами переросло в думы о прошлом, настоящем и будущем. Вечная тревога, чуткость писателя к судьбе других, готовность прийти на помощь тем, кто нуждается в душевном тепле – это все оттуда, из послевоенного детства писателя.

Содержание рассказов Кодзокова таково, что их нельзя относить только к детским рассказам. В равной степени – это рассказы и для взрослых, так как нет в них четкой грани, они одинаково интересны как детям, так и взрослым. Содержание каждого рассказа предельно ясное, не нуждающееся в особых комментариях. Нет в этих рассказах ничего вычурного, рассчитанного на эффект. Они словно написаны на одном дыхании: герои рассказов естественно и просто входят в сознание каждого читателя, оседая в его душе. Краткость, глубокое содержание, своеобразность формы, эмоционально выраженные чувства делают его героев близкими сердцу вдумчивого читателя.

В поэме «Незаживающая рана» речь идет о чувстве привязанности человека к родному краю, ответственности перед землей дедов и отцов. Глубокие размышления лирического героя о родной земле, о долге человека-труженика, ученого, певца перед прошлым и будущим своего народа. Своей родины, пронизывает всю поэму. Герой ее и на чужбине остается верен своей земле до конца. Земле, вспоившей и вскормившей его. Эта поэма свидетельствует о тяге поэта к большим лиро-эпическим произведениям, о его немалых возможностях в этом нелегком жанре.

В 60–70 гг. в поэзии обозначилась романтическая идея одержимости любовью, идея всемогущества любви и поэзии. Признание в любви – основной тезис произведений кабардинских писателей. Характерным в этом отношении является творчество поэта Пшукова Нургали Хазизовича (1942–1978). Нургали Пшуков вошел в кабардинскую поэзию рано, будучи еще незрелым юношей. Однако сразу же серьезно заявил о себе своим талантом поэта, обладающего тонким чутьем, вдумчивым, философским восприятием окружающего мира и пониманием жизни, трепетным отношением к родной земле. Его лирические стихи о любви наполнены высокими и светлыми чувствами. Его стихи публиковались в газете «Ленин гъуэгу», журнале «Ошхамахо». Однако сборник стихов был издан только после его смерти, в 1981 году. Сборник стихов назывался «Пожелание», где были опубликованы его лучшие стихи, такие, как «Жизнетворящая любовь». «Каждый день кто-то из людей», «Люди, я тревожусь за вас», «Мой друг, моя жизнь» и другие⁴.

Вот как вспоминает о нем его друг и сокурсник, известный драматург Борис Утижев: «Среди нас были те, кто начал не совсем удачно пробовать свое перо, а были и те, кто с критикой еще не был знаком, но, по общему мнению, уже твердо ступил в литературу. Вот таким и был рано ушедший от нас поэт, человек чистый, душевный, живший с совестью в ладу, наш лучший друг Нургали Пшуков. Мы часто шутили друг над другом, писали друг другу дружеские эпиграммы. Вот одну, что я посвятил Нургали Пшукову, помню: «Байрон, Пушкин, Лермонтов, Пшуков!.. Остальных забудьте – не годятся!»⁵ (подстрочный перевод наш).

К сожалению, Нургали Пшуков прожил очень короткую жизнь, и не успел многие свои произведения опубликовать. Однако он успел написать много стихов, о чем говорят его рукописи в личном архиве.

Словно чувствуя близкий конец, он написал такие строки:

«Я буду, буду жить,
И душа моя вечно будет витать над моей родиной»
(Подстрочный перевод наш)

В 2008 году Союзом писателей Кабардино-Балкарии была издана Антология поэзии 20 века. В ней опубликовано девять стихотворений Н. Пшукова.

Не будь его жизнь столь трагически короткой, нет сомнения, что он порадовал бы читателей еще многими талантливыми произведениями.

К писателям эпохи «оттепели» следует отнести и Тхамокова Барасби Гумаровича (1940–2010). Еще в 60-х годах, будучи юношей, стал публиковать свои первые стихи. Стихи для детей появились в газете «Ленин гъуэгу» и журнале «Ошхамахо». Но в конце 70-х годов он порадовал читателей прозой: на свет появился первый сборник рассказов для детей на кабардинском языке «Удз гъэгъахэр» («Цветы»)⁶. Затем в издательстве «Эльбрус» был издан второй сборник рассказов «Насыпыр Ыхъэ мыгуэщ» (Счастье – вещь неделимая)⁷. В 1994 г. Тхамоков порадовал читателей поэтическим сборником «Псальэ Ёсэ» (Спокойное слово)⁸. В журнале «Ошхамахо» Тхамоковым опубликованы отдельные рассказы, но и поэмы, стихи, одноактные пьесы.

Поэтические произведения Тхамокова Б. тематически можно разделить на несколько групп: это дружбе; о любви; о родном крае. Каждая тема раскрыта оригинально, наполнена богатством оттенков чувств и ощущений.

Однако при внимательном рассмотрении можно заметить общую тенденцию, пожалуй, главную их особенность – стихи Тхамокова не содержат словесных излишеств, надуманных красотостей. Стихи ясны и просты, это живые образцы доступного адыгского языка. Свидетельством тому отрывок из стихотворения «Встречая снова доброе утро» из сборника «Спокойное слово»: «Встречая снова доброе утро, / Радостно приветствую весь мир. / Здравствуйте, люди светлицы, / Горы, леса, много повидавшие! / Как вам спалось с яркими звездами, / Приснились ли Вам добрые дни?» – пишет он. (подстрочный перевод наш).

Только поэт с тонкой и доброй лирической душой может написать такие проникновенные строки. Тепло и светло становится от этих незатейливых слов. В стихах Тхамокова, чему бы они ни посвящались, всегда присутствует эта удивительная простота и душевная щедрость.

В предисловии к сборнику стихов «Спокойное слово» поэт Лиуан Губжоков пишет: «Когда читаешь стихи Тхамокова, замечаешь душевность автора, красоту его сердца, его тихий, словно песня, разговор с читателем. Стихи незаметно втягивают тебя в среду красивых мыслей и делают тебя своим собеседником. Это то, что является мечтой многих поэтов-лириков. В каждом стихотворении Тхамоков доводит свою мысль до логического конца. При этом автору удается сильно и убедительно закрепить свои идеи».

Интересны с точки зрения жанровой идентификации рассказы Тхамокова: «Кхъуэц къызэралъыхъуар» (Как искали свиной волос) и «Адакъэр псывэм хэупащ» (Петух попал в кипяток // («Ошхамахо», 1994, № 1)⁹. Их без сомнения можно назвать современными сказками. Сюжет у них прост: это необычные люди, попадающие в нелепые и смешные обстоятельства. На первый взгляд, в этих сказках происходят смешные и довольно абсурдные вещи. Например, в рассказе-сказке «Кхъуэц къызэралъыхъуар»¹⁰ главный герой объездил много стран и государств, в поисках спасительного лекарства для своего друга. Увлечшись поисками, под влиянием различных обстоятельств, он постепенно перерождается, превращается в фанатичного искателя богатств. И, похоже, добивается успехов. Однако, все достигнутое – блеф, как и многие вещи в этой жизни. Необычное и своеобразное в этом рассказе – не сюжет, а сказочные обстоятельства, жизненность характера главного героя и актуальность поднимаемых проблем. И хотя в рассказе нет ни одного назидательного слова, никаких выводов и обобщений, внимательный читатель не может не разглядеть в нем новые, живые струи ветра, новый взгляд на явления действительности.

Таким образом, для писателей и поэтов периода 60–70 годов характерно то, что в их произведениях нет простых показателей «национального колорита»,

которые так легкодоступны для графомана. Чтобы передать богатство чувств, мыслей, красок, они подчас используют пережитое самим художником. Поэтичность произведений кабардинских поэтов-шестидесятников заключалась в том, что они стремились воплотить новаторский духу предшественников, таких, как Алим Кешоков, например. Впрочем, прекрасное знание народного эпоса, фольклорных песен и легенд, а также адыгских этнопсихологических особенностей позволяло подчас создавать талантливые как поэтические, так и прозаические произведения. И это было отнюдь не подражание и не заимствование из Алима Кешокова или Али Шогенцукова. Это было обогащение и трансформация в соответствии с особенностями творческой индивидуальности поэтов и прозаиков. Обогащение самой кабардинской литературы 60–70 годов новыми оригинальными произведениями.

Примечания

1. *Кодзоков Х.* Космосым кIуэ гъуэгу. (Дорога в космос): рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1961.
2. *Кодзоков Х.* Уэрэдым и кьежьапIэ (Рождение песни): повести и рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1962.
3. *Кодзоков Х.* УIэгэ мыкIыж (Незаживающая рана): поэма. Нальчик: Эльбрус, 1975; «Мазэр пшэ гуэрэным..» // Антология кабардинской поэзии 20 века. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2008. С. 330.
4. ПшыукI Нурхъэлий. Хъуэхъу Усэхэр // Налшык: Эльбрус тхыль тедзапIэ, 1981 // Нургали Пшуков. Пожелание. Сборник стихов. Нальчик: Эльбрус, 1981.
5. Къэбэрдей усэм и антологие ХХ лIэшIыгуэ // Антология кабардинской поэзии 20 века. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»; Издательский центр «Эль-Фа», 2008. С. 507–509.
6. *Тхамоков Б.* Удз гъэгъахэр (Красивые цветы). Рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1980.
7. *Тхамоков Б.* Насыпыр Iыхэ мыгуэщ (Счастье неделимо). Рассказы. Нальчик: Эльбрус, 1989.
8. *Тхамоков Б.* Псалъэ Iэсэ (Спокойное слово). Сборник стихов. Нальчик: Эльбрус, 1994.
9. *Тхамоков Б.* Тхамоков Б. Адакъэр псывэм хэупIащ (Петух попал в кипяток); Рассказы-сказки // Iуашхъэмахуэ. 1994. № 1.
10. *Тхамоков Б.* Тхамоков Б. Кхъуэц къызэралыхъуар (Как искали свиной волос); Рассказы-сказки // Iуашхъэмахуэ. 1994. № 1.

THE ENRICHMENT OF THE KABARDIAN LITERATURE OF NEW NAMES IN THE PERIOD OF «THAW»

Alkhasova Svetlana Mikhailovna, doctor of Philology, leading researcher of the Kabardino-Cherkess literature of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), alkhas55@mail.ru

The paper first explores the works of such writers of the period of «thaw», as Nurgali Pshukov, Hassan Kozakov, Barasbi of Kamokow. The author notes that in the 50–70s the development of translation art in the country had a positive impact on the development of Kabardian literature, poetry and prose. Kabardian reader received in Russian works of Russian and world classics. In turn, Kabardian literature replied that it was gradually introduced to Russian literature, dozens of works of Kabardian literature significantly enriched it.

Thanks to translations into Russian, the young Kabardian literature has taken its niche, found a second life in the cultural universe. Now the Russian reader could judge how ideological and artistic tendencies and traditions of Russian realistic literature were refracted in the works

of various Kabardian writers. As a result of the analysis, the author came to the conclusion that we should talk about the mutual influence of literature. It is noted that in Kabardian literature there were still some small imitative works. But in total, Kabardian literature has its own, rooted in folk art, in the national mentality, purely Adyghe works. In this era appeared the names of many of the talented Kabardian prose writers and poets – Hassan Kozakova, Nurgali Pshukova, Barasbi Chumakova and others.

Keywords: Kabardian literature, the period of «thaw», poetics of the genre, features of prose.

DOI: 10.31007/2306-5826-2019-1-40-72-77